

ПРОТОИЕРЕЙ ПЕТР ТАРНАВА-БОРИЧЕВСКИЙ — НАСТОЯТЕЛЬ БОРИСОВСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА (1806–1820)

**Иерей
Гордей Щеглов,**

клирик храма святителя
Николая Японского
в городе Минске,
профессор Минской
духовной академии

Предлагаемый вниманию читателя очерк посвящен деятельности протоиерея Петра Тарнавы-Боричевского, служившего в 1806–1820 гг. настоятелем в Борисовской Воскресенской соборной церкви. В Борисове и Борисовском уезде в то время это был видный человек. Жизнь его интересна с точки зрения возможности проследить судьбу далеко не рядового приходского священника. Вместе с тем знакомство с биографией протоиерея Петра ломает расхожие представления о непреходящем житейском благополучии духовных лиц, занимавших в прошлом высокое положение и должности в епархиальном ведомстве. Будучи именно таким клириком и даже первенствуя среди белого духовенства епархии, протоиерей Петр тем не менее нередко терпел нужду, доходившую временами до нищеты. Его высокое положение, как ни странно, не гарантировало материального благополучия. При этом занятость на разных должностях была огромная. Помимо церковного служения отец Петр более 20 лет подвизался еще и на педагогическом поприще в разных учебных заведениях, иногда безвозмездно. Он был свидетелем многих важных церковных, общественных и политических событий. Пережил военную грозу 1812 г., спасаясь беженством. Во время польского восстания 1830–1831 гг. находился в Вильно, где как священник опекал многочисленные лазареты. Был очевидцем грандиозных перемен в церковной жизни, связанных с воссоединением белорусско-литовских униатов в 1839 г. Настоятельствовал в четырех соборах. Но в настоящем очерке мы расскажем о его «Борисовском» периоде жизни.

Протоиерей Петр принадлежал к старинному шляхетскому роду. Предки его с XVI ст. начали владеть земельными наделами в Пинском повете в окрестности Боричевичи. От этого названия и пошла фамилия Боричевских. Роду их был дарован герб Тарнава, который они изображали на своих печатях¹. Выглядел он так: на красном поле щита серебряный ушренный на концах крест, в нижнем левом углу золотой полумесяц, обращенный рогами к кресту, наверху рыцарский шлем с пятью перьями. От названия герба и образовалась двойная фамилия — Тарнава-Боричевские.

В дальнейшем мы будем использовать ее простое написание — Боричевский, поскольку именно в таком виде она чаще всего фигурирует в официальных документах.

Петр Боричевский родился около 1778 г. Отец его священник Самуил служил настоятелем Иваньевской Крестовоздвиженской церкви в Слуцком повете. Правда, писался фамилией Бурячевский. Под этой же фамилией в ранних известиях фигурирует и Петр. Позже он выправит ее написание на родовое и документально подтвердит дворянское происхождение².

Духовное образование Петр начал в 1793 г. в «благочестивой», то есть православной, Слуцкой семинарии. Открыта она была при Слуцком Троицком монастыре в 1785 г. епископом Переяславским и Бориспольским Виктором (Садковским), имевшим здесь свою резиденцию. В 1790 г. в связи с арестом польскими властями епископа Виктора и гонениями на православных в Речи Посполитой учеба в семинарии прекратилась. Возобновилась она лишь после освобождения Преосвященного. 8 января 1793 г. семинария вновь открылась и начала учебный процесс в составе 31 учащегося³, в числе которых оказался и Петр Боричевский.

¹ Вывод фамилии урожденных Боричевских гербу Тарнава / опубликовал Е. К. Анищенко. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://arhisan.com/rodosloviya/a-jo/1768-borichevskij-vyvod-roda>. — Дата доступа: 02.06.2023.

² Вашчанка А. Са спадчыны Івана Барычэўскага // Палымя. — 2013. — № 8. — С. 148–149.

³ Щеглов Г. Э. Преосвященный Виктор (Садковский), первый Минский архиепископ. — Мн. Издательство Белорусского Экзархата, 2007. — С. 77.

Как раз в это время произошел Второй раздел Речи Посполитой, по условиям которого к России отошли губернии Витебская и Минская в полном составе и восточные половины Волынской и Подольской губерний. 13 апреля 1793 г. последовало высочайшее повеление о разделении всей присоединенной территории на три губернии — Минскую, Иязславскую и Брацлавскую. Из трех новообразованных губерний составлялась одна епархия, под названием Минская. В управление ею назначался епископ Виктор (Садковский) с присвоением ему титула «архиепископа Минского, Иязславского и Брацлавского». Вместе с тем Минской стала именоваться и действовавшая при Слуцком Троицком монастыре семинария¹.

Для учебного заведения это было трудное время. Семинария нуждалась буквально во всем. Поскольку на момент открытия и в последующие годы воспитанников обучалось еще не много, да и не хватало учителей, семинарский курс был неполный. Отсутствовали высшие классы философии и богословия. Открыты они были гораздо позже, а пока учебный курс завершался классом риторики. Любопытно, что в указе Минского архиепископа Иова (Потемкина) от 1 июля 1797 г. о выдаче учителям семинарии жалования фигурирует и Петр Боричевский как учитель низшего класса грамматики². Следовательно, преподавать он начал, будучи еще сам учащимся.

В 1798 г. Боричевский завершил класс риторики и как лучший ученик был послан в Киево-Могилянскую академию для «усовершенствования в науках» и подготовки к занятию учительской должности в семинарии. В то время посылаемые в академию воспитанники не только обеспечивались казенными проганами, одеждой и обувью, но и получали деньги на содержание во время учебы.

В Киевской академии Боричевский обучался по 1803 г. философии и богословию, латинскому и польскому языкам. После завершения учебы вернулся в Минскую семинарию, по-прежнему находившуюся в Слуцке, на должность учителя низшего класса грамматики³. Кроме основного предмета он также преподавал историю, географию и «нижнюю» арифметику в среднем и низшем грамматических классах⁴. Помимо учебной нагрузки Боричевский взял на себя должность семинарского комиссара, заведовавшего хозяйственной частью. В его обязанности входили разного рода закупки, забота о снабжении учеников столом и одеждой. За эту должность он дополнительно к основному окладу получал 30 рублей в год⁵. Впоследствии этот опыт хозяйственной деятельности очень пригодился Боричевскому.

Как раз в то время, когда Боричевский стал преподавателем, консистория предписала каждому учи-

телю семинарии составлять по три проповеди в год с распоряжением «сказывать» их наизусть в Минском кафедральном соборе в высокотожественные дни. Составленные вчерне проповеди рекомендовалось сперва читать в общем собрании учителей и исправлять их по общему совету, затем отсылать к цензору — ректору семинарии архимандриту Лазарю — для просмотра и исправления. После же возвращения проповедей авторам предлагалось списывать с них копии и хранить в семинарии при делах, а подлинники отсылать в консисторию для представления архиерею⁶.

Помимо семинарии Боричевский с сентября 1805 по июль 1806 гг. по просьбе ректора Слуцкого кальвинского училища преподавал в нем русский язык⁷.

Будучи уже преподавателем, Петр Боричевский женился. Супругу его звали Синклитикия Лазаревна. О ней практически ничего не известно. Происходила она, скорее всего, из духовного звания. И по отзывам знавших ее людей «отличалась замечательной энергией»⁸.

14 ноября 1806 г. Минский архиепископ Иов (Потемкин) рукоположил Петра Боричевского во священника, назначив настоятелем Воскресенской соборной церкви в уездный город Борисов на место уже немолодого и болезненного протоиерея Даниила Петелькевича, увольнявшегося за штат. Одновременно Боричевский назначался первоприсутствующим в Борисовское духовное правление.

8 декабря священник Петр уволился из семинарии⁹. Зимней дорогой, на санях, со скромными пожитками Боричевские приехали к новому месту служения. Здесь, при Воскресенской церкви имелся для священника дом с хозяйственными постройками.

Располагалась Воскресенская церковь в центре города на углу базарной площади. Была она деревянная, как, впрочем, и весь Борисов. Возводилась в 1778 г. как униатская, но во время первого воссоединения западнорусских униатов 1794–1795 гг. была переведена вместе с приходом в Православие. Определением Святейшего Синода от 11 августа 1799 г. получила статус соборной церкви.

По высочайше утвержденному 18 декабря 1797 г. штату при каждом соборе полагался один протоиерей, два священника, диакон, дьячок и пономарь¹⁰. Однако единственным штатным клириком Воскресенского собора являлся Боричевский, и то не в статусе протоиерея.

Что касается материального обеспечения соборного причта, то жалования ему в то время не пола-

⁶ Там же. С. 103–104.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 66. Д. 597. Л. (Формулярный список).

⁸ И. П. Боричевский (некролог) // Литовские епархиальные ведомости. — 1887. — № 37. — С. 314.

⁹ Там же. С. 97.

¹⁰ Рункевич С. История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). С подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794–1796 гг. — СПб.: тип. А. Катанского, 1893. — С. 418–419.

¹ Там же. С. 81.

² Вержболович М. История Минской духовной семинарии. Выпуск 1. Дореформенный период. — Мн., типография Б. И. Соломонова, 1893. — С. 151–152.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 179.

галось. Имения же церковные были не особо большие: 3 увологи земли (по 20 десятин каждая), 6 плацов и 6 дворов чиншевых (с крестьянами), приносявшие ежегодно от 10 до 30 рублей. Еще одну статью дохода составляли требы, но прихожан за Воскресенской церковью числилось не так уж много — менее 200 человек¹. Впрочем, приход с каждым годом понемногу увеличивался. Очень часто основой семейной экономики священнослужителей являлось использование церковных наделов. Но в данном случае было не всё так просто. Мы еще будем говорить об этом.

Жителей Борисова в это время насчитывалось чуть более 2000 человек. Большую часть составляли евреи, на втором месте стояли христиане — православные, униаты и католики. Проживали в городе также татары и цыгане, но их было совсем незначительное число.

В Борисове в это время действовали две православные церкви — Воскресенская соборная и Преображенская приходская. Была еще не действующая Михайловская церковь. Закрытыми стояли также униатские Троицкая приходская и Андреевская кладбищенская церкви. Имелось в городе два костела: один действующий деревянный, другой — строящийся каменный. Помимо нескольких еврейских молитвенных домов была в Борисове, кажется, и синагога.

Боричевский как настоятель собора и первоприсутствующий в Духовном правлении среди уездного духовенства сразу сделался важной фигурой, особенно в глазах сельских священников. Кроме того, он оказался единственным не только в Борисове, но и в уезде клириком с академическим образованием. Вторым присутствующим в Борисовском духовном правлении состоял настоятель Преображенской церкви священник Василий Бирюкович. Но жил он не в Борисове, а в четырех верстах от города, поэтому в правлении появлялся нечасто. Несмотря на то, что это был коллегиальный орган, тон в нем задавал Боричевский как первоприсутствующий. Он же вел и всю бумажную работу, поскольку канцеляриста при правлении не имелось, видимо, по экономическим соображениям.

Пришла весна, близилось лето, а вместе с ними и хозяйственные работы. Занятый служебными обязанностями отец Петр не мог в одиночку справиться с обработкой земли: нужны были работники. Но когда он обратился за помощью к принадлежащим церкви крестьянам, те отказали, сославшись на то, что вместо отработок выплачивают чинш деньгами. Время шло, помощников не было, и отец Петр «терпел великие невыгоды». В результате Боричевскому пришлось обращаться в Минскую духовную консисторию, чтобы та разрешила выделить из крестьян, обрабатывающих землю, «одного сторожа на разные хозяйственные работы». Консистория разрешила².

Вместе с тем не всё складывалось гладко в отношениях с местным начальством. Как-то незаметно у отца Петра назрел конфликт с борисовским городничим Андреем Кирилловичем Шаталовым. В то время городничий являлся главой административно-полицейской власти уездного города. Это был влиятельный человек, обладавший довольно большими полномочиями. Шаталов поступил в городничие из штатских, заняв место вышедшего в отставку престарелого Якова Бурцова (*1808). К этому времени Андрей Кириллович уже имел чин коллежского асессора, соответствовавший званию майора в пехоте. Был он еще относительно молод и амбициозен. Хотя в Борисове Шаталов появился ненамного раньше Боричевского, но очень быстро почувствовал себя здесь полновесной фигурой.

Изначально у священника Петра складывались неплохие отношения с Андреем Кирилловичем. Но ряд ситуаций, возникших между ними и задевших амбиции городничего, привел к конфликту. Первая такая ситуация сложилась, когда однажды городничий с супругой пришел в собор и после богослужения обратился к Боричевскому с просьбой обучать их крепостного мальчика. Отец Петр вежливо уклонился. Несмотря на отказ, Шаталовы все же прислали к священнику мальчика с книгами и бумагой. Тогда Боричевский, объяснив ему, что здесь школы нет, отправил его обратно.

Другая история была связана с пошивом нового облачения для престола. Супруга городничего, желая проявить усердие, взялась собственноручно пошить его. Будучи по этому поводу в соборе, она вместе с мужем и настоятелем вошла в алтарь, чего по церковным правилам как женщина делать не могла. В алтаре она стала замерять с разных сторон престол, и когда хотела стать на священническое место, отец Петр вежливо заметил, что здесь ей ходить нельзя. Тут же к нему приступил возмущенный городничий и сказал, что ей здесь ходить можно. Чтобы избежать ненужной ссоры, Боричевский ничего не ответил. После этого женщина ходила уже где хотела. И хотя инцидент, казалось, был исчерпан, но городничий, видимо, остался очень недоволен, что священник посмел сделать замечание его жене.

Еще одна история была связана с жалобой в Борисовское духовное правление местного мещанина Григория Чернявского на свою жену Марию. Мы не знаем, в чем заключалась суть дела, но заявитель, в частности, сообщил, что четверо суток безвинно провел под арестом в полиции вместе с преступниками, и за свое освобождение вынужден был заплатить 300 рублей городничему, вследствие чего пришел в полное разорение. А когда Духовное правление по своему делу обратилось в полицию за справкой о поведении Чернявского, то между прочим упомянуло о деньгах, взятых у него городничим. Будучи таким образом обличен в предвзятость, тот воспылил гневом на первоприсутствующего Духовного правления Боричевского, к которому и так уже в последнее время испытывал неудовольствие³.

¹ Там же. С. 417.

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 1898. Л. 1–4.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2044. Л. 9 об.

Городничий решил скомпрометировать священника Петра в глазах епархиального начальства и в середине июля 1808 г. написал прошение с жалобами на него Минскому архиерею. Впрочем, сразу же не преминул оговориться, что сначала был доволен Боричевским относительно богослужения и исполнения треб как для прихожан, так и для городской полиции. Городничий отмечал, что имея доброе расположение к священнику, оказывал ему разные учтивости, обсуждал с ним вопросы лучшего обустройства храма и обновления некоторых церковных вещей. Причем делал это по собственному усердию якобы для лучшего привлечения к православию местных униатов. «Но таковое мое удовольствие недолго продолжалось», — писал городничий.

Он жаловался архиерею, что в минувший Великий пост в соборной церкви не только в будние дни «пение не отправлялось», но даже в один воскресный день в обеих церквях не было богослужения. А между тем в Борисове квартировали возвратившиеся из французского плена воинские нижние чины, которые уже несколько лет не были у исповеди и Причастия. Видимо, это были участники неудачного для русско-австрийских войск сражения с французами под Аустерлицем. Желая теперь приобщиться к христианским Таинствам, бывшие пленные не могли этого сделать из-за отсутствия ежедневного богослужения в церкви, поэтому обратились к своему командиру полковнику Воейкову с просьбой прислать к ним священника. Тогда полковник просил городничего договориться с кем следует по духовной части об организации для них в церкви на надлежащее время богослужений. Городничий написал об этом Боричевскому, но тот якобы из упрямства не совершал богослужения «аж до первого дня Пасхи»¹.

Другое обвинение в адрес отца Петра касалось истории с исповедью и погребением старика-христианина, работавшего у борисовского еврея Бенуса. Работник этот тяжело занемог и попросил позвать к нему священника для исповеди. Бенус обратился за содействием к городскому голове Петру Комару, а тот — к городничему. Последний же, будучи уверен, «что священник Боричевский для выслушивания бедного больного человека к исповеди из упрямства не пойдет», послал за прикомандированным к собору сельским священником. Но его на квартире не оказалось, а тем временем больной без исповеди умер. Тогда городничий послал к священнику Боричевскому по поводу погребения умершего. Однако Боричевский, по уверению Шаталова, не только сам отказался погребать, но и прикомандированному священнику запретил. На усиленные просьбы и требования городничего Боричевский якобы отвечал, что таких людей, которые без исповеди умирают, погребать не будет. Тогда Шаталов отправил в Борисовское духовное правление записку с требованием письменно уведомить, имеется ли по духовной части узаконение, согласно которому людей, кои, будучи больны, желают исповеди, но, не дождавшись священника, умирают, не должно по обычаю христ-

анскому погребать. Но, не получив никакого ответа, вынужден был приказать предать земле тело умершего без отпевания.

Другое обвинение священника Петра касалось его обязанностей по гражданской части. Так, в первых числах апреля Шаталов получил от Борисовского магистрата решение о необходимости «проведения повального обыска» по какому-то делу. И чтобы дело в производстве не имело задержки, сразу же собрал жителей честного поведения для приведения к присяге и допроса. По существовавшим в то время требованиям допрашиваемых прежде взятия показаний приводили к присяге, принятие которой осуществлял священник. Для этого городничий пригласил Боричевского. Но тот не только не явился к присяге по требованию полиции, но, вступив в пререкания, написал городничему письмо, «оскорбляющее порядок дел в течении законами установленный». Возмущенный Шаталов вынужден был письменно обратиться в Борисовское духовное правление с требованием дать относительно письма священника Боричевского объяснения и впредь не чинить препятствий городской полиции в ее делах. На это обращение Боричевский от имени Духовного правления отправил в городскую полицию письменный ответ, который, по мнению городничего, «наполнил язвительными и поносительными словами», которые не только его, «но и верховное правительство обижали». Также Боричевский заявил, что и впредь к присяге никого приводить не будет, а чтобы обращались по этому поводу к священнику Бирюковичу, назначенному постоянным депутатом для принятия присяги. Но отец Василий жил не в городе, а городничему нужен был священник рядом, так сказать, под рукой. Шаталов уверял, что «учтивейшим образом» увещевал Боричевского оставить упрямство и во всем поступать по должности церковной и гражданской, по примеру бывшего в городе Борисове протоиерея Даниила Петелькевича, которого весьма хвалил.

Еще городничий жаловался на то, что Боричевский слишком рано служит Божественную литургию, поэтому «чиновники, равно мещане и разные рабочие люди имея в таковые дни отдых от трудов, не имея возможности успеть в церковь, принуждены ходить в костел»².

Ознакомившись с прошением борисовского городничего, архиерей затребовал у Боричевского объяснений по поводу предъявляемых в нем жалоб, на что тот незамедлительно дал обстоятельные разъяснения.

О том, что городничий сначала им был доволен, Боричевский замечал: «...я как прежде так равно и теперь не для его удовольствия, а единственно по своему долгу с усердием отправлял и отправляю свою должность, на что я никаких от него учтивостей не видел и не желал их иметь, яко не от своего начальника, и приведение в порядок некоторых церковных вещей не его одного старанием возымело желательный успех, ибо я сам со своим прошением

¹ Там же. Л. 1 об.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2044. Л. 1 об.—3.

ходил по квартирам чиновников, которые сколько кто дал на соборную борисовскую церковь, на оном же прошении ими самими записано, которое если будет приказано, могу Минской духовной консистории представить»¹.

Отец Петр рассуждал, что не городничего удовольствие или милость должен стараться заслужить, а единственно сохранить совесть чистой пред Богом. В минувший же Великий пост в обыденные дни церковного пения не отправлялось по причине того, что обычно в такие дни никто из прихожан у исповеди не бывал, а по средам и пятницам всегда Преждеосвященная литургия служилась. А то, что в один воскресный день в обеих церквях богослужения не было, то потому как второй приходской священник Василий Бирюкович отлучился на десять дней по делам в Слуцк, а у самого Боричевского левая рука распухла в плече и болела так, что он даже владеть ей не мог, и это было всем известно. Впрочем, на тот воскресный день для совершения богослужения Духовное правление предписало прибыть в Борисов священнику Рогатской церкви, не имеющей прихода, Козакевичу. Но тот по какой-то причине не явился.

Относительно команды бывших военнопленных Боричевский пояснил, что командир их полковник Воейков обращался по поводу священника в Борисовское духовное правление, а не к городничему. Причем в Борисове находился лишь штаб. Сама же команда квартировала ротами по разным деревням, и для ее обслуживания был командирован Бытчанский священник Павел Сосиновский, чего городничий не знал. Находившиеся же в Борисове штаб-и обер-офицеры уведомили Боричевского, что будут говеть на цветной седмице, предшествующей празднику Входа Господня в Иерусалим. Поэтому в соборной церкви ежедневно совершалось положенное по уставу богослужение священником Ховхолицкой бесприходной церкви Василием Шаворовским. Сам же Боричевский, как уже говорилось, не мог служить в это время из-за больной руки. А вот полковники Воейков и Мезенцов говели на Страстной седмице и в первый день Пасхи у отца Петра исповедались и причастились. Боричевский уверял, что никакого письма от городничего не получал, следовательно, и упорства никакого по этому поводу демонстрировать не мог.

Относительно отказа погребать умершего человека Боричевский объяснил так. Борисовский городской голова Петр Комар, будучи уведомлен евреем Бенусом, что его престарелый работник-христианин болен и просит священника для исповеди, зашел в ближайшую Воскресенскую церковь. Застав там священника Шаворовского, Комар просил его пойти к больному со Святыми Дарами, что тот сразу же и сделал. Однако, придя на квартиру, нашли старика уже умершим. Тогда городской голова пришел к отцу Петру и требовал погребения этого человека, сказав при этом, что был он униатом и всегда ходил на исповедь к униатскому священнику Савичу. Ввиду этого обстоятельства Боричевский посоветовал

обратиться в костел, где кроме католического священника находится и униатский, который и должен хоронить умершего. Голова так и поступил. Однако хотя он и предлагал униатскому священнику четыре рубля, тот почему-то погребать отказался. К вечеру еврей Бенус, у которого в доме лежало мертвое тело, усиленно стал просить городничего, чтобы он приказал Боричевскому погребать покойника. Тогда городничий прислал к отцу Петру десятского с требованием явиться в полицию. Боричевский на это ответил, что он не борисовский мещанин, чтобы по приказу городничего являться в полицейское управление. А ежели городничий имеет к нему какое дело, то он сам придет к нему домой, а не в полицию. Посланный возвратился и передал ответ священника своему патрону, чем вызвал в нем сильное негодование. Поэтому, когда спустя некоторое время отец Петр пришел к дому городничего, тот прямо во дворе в присутствии евреев и других лиц начал выговаривать ему за нескорую явку. Обескураженный этим, отец Петр заявил, что коли городская полиция позволяет себе такое обращение, пусть общается с ним посредством переписки, и ушел. После этого, прождав два дня бумагу из полиции, на третий день по своим делам уехал на приход к помещице Юзефович в деревню Томиловичи, отстоявшую от Борисова более чем на 100 верст. Возвратившись оттуда спустя неделю, обнаружил в Духовном правлении сообщение из городской полиции, на которое в тот же день отправил ответ, что поскольку умерший был униатского исповедания, то к православному духовенству это дело не имеет никакого отношения.

По поводу обвинений в нежелании приводить людей к присяге и якобы оскорблении господина Шаталова, Боричевский пояснил прежде всего, что ни в письме, ни в ответе Духовного правления никаких оскорбительных выражений и язвительных слов не было. Приводить же к присяге отказался по нескольким причинам. Главным образом потому, что была Страстная пятница, в которую те же самые люди желали пойти в церковь, готовясь к Причастию. Поэтому отец Петр отправил городничему письмо следующего содержания: «Милостивый государь, Андрей Кириллович! Наше дело узнать за что люди должны присягать, ведь кажется с Богом дело иметь важнее как с человеком. Следовательно, если дело есть не дело, а безделица, то прошу нас духовных уволить от этого, я же присяге не могу приводить честных людей за безделицу, что, объявив, честь имею быть вас милостивого государя покорнейший слуга»². Именно это письмо вызвало негодование городничего. Но Боричевский знал, по какому поводу хотят привести людей к присяге, и что дело это пустяковое. Поэтому он предпочел важное церковное богослужение полицейским делам и пошел в церковь совершать чин выноса Плащаницы. Боричевский также обращал внимание архиерея на то, что помимо двух приходов на его попечении находятся три лазарета: Низовского

¹ Там же. Л. 7.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2044. Л. 4.

полка, вернувшейся из Франции команды военнопленных и милицейский. И не его вина в том, что другой приходской священник живет за городом, и городничий не хотел к нему обращаться, хотя тот находился тогда в Борисове.

Относительно же «раннего» совершения богослужений отец Петр прояснил. Когда первое время он начинал литургию в 11 часов, прихожане роптали на него, что он очень поздно служит, а им еще нужно сходить за покупками на базар, который бывает всего раз в неделю, и то до полудня заканчивается. С тех пор Боричевский стал начинать литургию в 8.30 и в 10 заканчивать, что, конечно же, не было слишком рано. Сам же Шаталов, по уверению отца Петра, в воскресные дни в церкви всего раза три в год появлялся, а в установленные высокаторжественные дни и вовсе ни разу. А то, что, по мнению городничего, отдых должен быть ранним, Боричевский замечал, что люди, наоборот, имеют обыкновение отдыхать после обеда, побывав сначала в церкви. Относительно же хождения некоторых в костел, он пояснял, что «как католики ходят в православную церковь, так равно и некоторые православные ходят в костел по своей воле, а не по причине раннего якобы богослужения»¹.

Вместе с тем Боричевский изложил истинные причины, как он полагал, вызвавшие обвинения в его адрес со стороны борисовского городничего. О них мы говорили выше.

Зная Боричевского еще с семинарской скамьи, архиепископ Иов доверял ему и, очевидно, ценил. Примечательно, что спустя два дня после написания отцом Петром объяснений, Преосвященный 13 августа 1808 г. возвел его в сан протоиерея и назначил в Борисовский уездный суд представителем по производящимся там важнейшим делам духовенства².

Как видим, история с жалобой завершилась для отца Петра вполне благополучно. Однако проблема с приведением к присяге лиц, подлежащих полицейскому допросу, так и оставалась нерешенной. Боричевский по-прежнему заявлял, что обязанность эта его не касается, поскольку для этой надобности духовным правлением делегирован Бирюкович. Однако тот, живя в четырех верстах от города, появлялся в Борисове лишь по воскресным и праздничным дням, в лучшем случае пару раз в неделю, отчего полицейские дела сильно замедлялись. На официальный запрос Шаталова объяснить священник Василий сообщил, что загружен по хозяйству, поскольку занимается хлебопашеством, с которого только и имеет пропитание, так как с прихода никаких доходов не получает. И если бы захотел построить в городе дом, то средств не только на постройку нового, но и на починку своего старого дома не имеет, от чего «претерпевает великую нужду зимой от холода, а летом от дождя». Когда же появится возможность выстроить в городе новый дом, тогда он согласится перебраться и жить там. Старый же свой

дом перенести в Борисов не может по причине его ветхости. Ввиду этих обстоятельств он и не желает исполнять возложенную на него Духовным правлением обязанность по приводу к присяге свидетелей.

Таким образом, ничего не добившись от борисовского духовенства, господин Шаталов подал рапорт в Минское губернское правление. Он жаловался, что дважды обращался в Борисовское духовное правление с тем, чтобы в городе ежедневно находился откомандированный правлением священник Василий Бирюкович для приведения к присяге нужных по делам греко-российского исповедания людей, но ничего не добился. Тогда Губернское правление обратилось за содействием в Минскую духовную консисторию, изложив суть дела. В результате, консистория, признав резоны Бирюковича не заслуживающими уважения, постановила предписать Борисовскому духовному правлению, чтобы протоиерей Петр Боричевский «по требованиям тамошних присутственных мест увещевал греко-российского исповедания преступников», а Бирюковичу «безостановочно приводить к присяге в храме Божием»³. О чем и были уведомлены Минское губернское правление и борисовский городничий.

Не знаем как, но Шаталов с Боричевским в конечном итоге примирились и даже сделались кумовьями — Андрей Кириллович стал крестным двух сыновей отца Петра.

Несмотря на свой достаточно высокий статус среди уездного духовенства, Боричевский жил бедно. Приход приносил небольшие доходы, земля тоже. Летом 1809 г. протоиерей Петр обратился в Минскую духовную консисторию с прошением по хозяйственному вопросу. Он писал, что при Воскресенской церкви пользуется помимо огорода одной уволокой земли, совершенно пустой, поэтому со времени приезда в Борисов вынужден покупать хлеб и прочее необходимое для содержания своего семейства. Меж тем, после отделения причетникам обоих приходов наделов из диаконской части, за диаконном осталось: одна уволока земли посредственного качества за городом, другая при застенке Полхотины, настолько песчаная и пустая, что никто даже из тамошних жителей засеять ее не хочет, да сенокос на 14 возов. Кроме перечисленного никаких других доходов для диакона не предусматривалось, так как сам протоиерей Петр денег с прихода получал не более 10 рублей серебром в год. А так как в Борисове прихожан совсем было мало, то Боричевский считал, что может обойтись и без диакона. «Притом же как в Правлении, — писал он, — так в обоих приходах по отдаленности второго присутствующего я сам наиболее делаю, сам исполняю все письменные дела, и по обоим приходам исполняю все требы, не получая ни откуда никаких доходов, даже к посредственному моему содержанию»⁴. В связи с этим Боричевский просил Минскую духовную консисторию уважить его труды и нужды и передать ему упомянутую диаконскую часть земли и сенокоса.

¹ Там же. Л. 7–9.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 597. Л. (Формулярный список).

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2231. Л. 7–8.

⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2232. Л. 2–2 об.

Консистория ответила, что просьбу о передаче диаконской части удовлетворить не может, поскольку Борисовская Воскресенская церковь по указу Святейшего Синода от 11 августа 1799 г. учреждена соборной с оставлением ее на прежнем положении и руге¹. В силу того же указа при церкви надлежало быть диакону. Следовательно, до определения такового в служение, диаконская часть пахотной и сенокосной земли должна оставаться неприкосновенной. Но за отсутствием пока диакона и дьячка, чтобы земля эта не пустовала, консистория разрешила Боричевскому пользоваться ей временно².

Спустя некоторое время диакон в Воскресенскую церковь действительно был назначен — Стефан Лисовский. Тем не менее отец Петр еще долго продолжал пользоваться его наделом, видимо, по обоюдной договоренности, выплачивая диакону какую-то компенсацию.

19 октября 1810 г. у Боричевских родился сын Иван. Это был второй ребенок в семье. Первенец — Андрей — родился двумя годами ранее. Но в метрических книгах Борисовской Воскресенской церкви о нем записей не имеется, поэтому можно предположить, что супруга отца Петра первые роды совершила в доме своих родителей. А вот Иван уже появился на свет в Борисове, где его и крестили. Таинство по приглашению отца совершил Лошницкий благочинный священник Михаил Самборский. Крестными стали: борисовский городничий Андрей Штаталов и жена поветового стряпчего Сильвестра Носовича — Марья Павловна³.

Забегая вперед, скажем, что Иван Боричевский оставил о себе память как известный историк, археолог, фольклорист и этнограф. Получив образование в духовных училище, семинарии и академии, он некоторое время преподавал в Орловской семинарии, затем вышел из духовного звания и поступил на гражданскую службу. Со временем сделал большую карьеру в Министерстве путей сообщения, дослужился до чина тайного советника, входил в состав совета Министерства. Вместе с тем все свободное время Иван Петрович посвящал научно-исследовательским трудам, изучая литовскую, белорусскую и русскую старину. Много публиковался в «Журнале Министерства народного просвещения», а также «Северном Обозрении», «Военном энциклопедическом лексиконе», «Маяке», «С.-Петербургских Ведомостях», «Христианском Чтении» и др. Наиболее крупные его работы: «Повести и предания славянского племени», «Народные славянские рассказы», «Исследование о происхождении, названии и языке литовского народа», «Православие и русская народность в Литве». Он также принимал участие в трудах Императорского Русского археологического общества и изданиях Археографической комиссии. Участвовал в составлении «Судоходного дорожника Российской Империи». Прекрасно знал древние гре-

ческий, латинский и еврейский языки. Переводил греческих классиков. Как переводчик и комментатор был хорошо известен выдающимся европейским филологам⁴.

Но тогда ни родители, ни крестные даже не догадывались, что малыш в будущем станет известным человеком, и что именно в связи с его именем вспомнят и напишут о них.

Здесь мы хотим предложить вниманию читателя один сюжет, который на первый взгляд может показаться незначительным, но он приоткрывает другой вопрос — возможных последствий, ставших причиной непростых взаимоотношений протоиерея Петра с Минской духовной консисторией.

В наши дни церковная проповедь составляет практически неотъемлемую часть богослужения и воспринимается чем-то абсолютно естественным. Но в то время дело обстояло иначе: проповедничество в приходских храмах была явлением редким. Кроме того, проповедь необходимо было составлять письменно и прежде произнесения представлять на рассмотрение епархиального цензора. А это было связано не только с тратой времени на переписку, но и почтовыми расходами, в то время как большинство священников жило довольно бедно и считало каждую копейку. Так что даже при горячем желании проповедовать, подобная процедура охлаждала порыв к вдохновенному словесному творчеству, при том, что отсутствие проповеди считалось как бы делом обычным и вполне оправдательным. Судя по всему, даже хорошо образованный протоиерей Петр свою первую проповедь для произнесения в Борисовском соборе составил только в феврале-марте 1811 г., то есть спустя пять лет настоятельства. Написав Слово на день Воскресения Господня, он по старой памяти отослал текст на рассмотрение ректору Минской духовной семинарии архимандриту Лазарю в Пинский Богоявленский монастырь, настоятелем которого тот состоял и где большее время находился. Кроме прочих должностей, архимандрит Лазарь являлся также цензором представляемых священниками проповедей. Однако тот ответил, что уже два года как освобожден от этой должности. Ввиду этого Боричевский обратился в Минскую духовную консисторию с вопросом, кому впредь посылать на апробацию проповеди.

Ознакомившись с рапортом протоиерея Петра, консистория постановила: поскольку правящий архиерей предоставил самому себе рассмотрение проповедей семинарских учителей, составляемых для произнесения в кафедральном соборе, то «проповеди священников для сказывания в своих церквях» должен рассматривать архимандрит Лазарь, о чем сообщить Боричевскому, а архимандрита уведомить указом⁵.

Думается, не особо обрадовался архимандрит Лазарь тому, что на него вновь возложили обязанно-

¹ Руга (устар.) — церковная земля и угодья, отведенные на содержание причта.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2232. Л. 3 об.—4 об.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 13. Д. 63. Л. 6 об.

⁴ Щеглов Гордей, священник. Знаменитые выпускники Минской духовной семинарии: биографический справочник / автор-составитель священник Гордей Щеглов. — Жировичи: Минская духовная семинария, 2016. — С. 34–35.

⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2609. Л. 2–6.

сти цензора. А кто был «виновником» этому, он как первоприсутствующий член Минской духовной консистории узнал в первый же приезд в Минск. Позже Боричевский жаловался, что со стороны консистории испытывает к себе предвзятое отношение. Не эта ли история стала поводом?

Нелегкие испытания семейству Боричевских пришлось пережить во время войны 1812 г. Когда Наполеоновская армия приближалась к Борису, протоиерей Петр, не желая испытывать судьбу, усадил в экипаж свое семейство и, прихватив самое необходимое, пустился в путь беженца. С собой он также забрал из церкви евхаристический набор из позолоченного серебра, святой антиминс и церковные деньги — свечные 6 рублей и кошелек 4 рубля медью.

Дороги были запружены массой движущегося транспорта, людей и домашнего скота, поэтому первые сотни верст двигались крайне медленно и трудно. На ночлег останавливались, видимо, у приходских священников. Сперва Боричевские скитались по Белорусской губернии, затем — Черниговской, где в итоге и нашли безопасный приют. В Черниговской епархии отец Петр даже получил священническое место¹. Но вместе с тем семья оказалась полностью разорена, потерпев за время странствий большие убытки. В связи с войной цены на продукты и фураж взлетели неимоверно. Кроме того, где не имелось возможности получить бесплатный ночлег, приходилось платить за жилье. В результате, отцу Петру пришлось продать не только свой экипаж, но даже лучшую одежду. Имея скудость в одежде и обуви, семейство порой даже лишено было дневного пропитания, понеся убытки в 700 рублей².

Известно, что в 1812 г. у Боричевских родился сын Николай. В метрических записях Воскресенской церкви за первую половину года сведений о его рождении и крещении не имеется, поэтому вполне вероятно, что он родился, когда семья находилась в бегстве.

А пока в Борисове хозяйничали французские войска, город понес огромный ущерб: в пожарах сгорело 169 домов и 297 хозяйственных построек³, в том числе две церкви — Троицкая и Михайловская.

После Наполеоновского нашествия Борисов представлял печальнейшее зрелище. «Весь город был опустошен, а во многих местах сожжен, улицы были завалены полуобгоревшими трупами, дома наполнены ранеными, больными и пленными. Крик, шум, плач слышались везде»⁴.

Воскресенская церковь хотя и уцелела, но была повреждена. Возможно, ее судьба оказалась не

столь печальной потому, что французы разместили в ней лазарет. Иконостас чудом уцелел, зато пол, двери и окна оказались выломанными, а святой престол сожженным. Дело в том, что солдаты в большом количестве истребляли древесный материал, используя его для разведения костров, на которых готовили пищу и у которых согревались в ночное время.

После изгнания Наполеона край мало-помалу восстанавливался. К концу марта 1813 г. по распоряжению военных властей Воскресенская церковь была отремонтирована и нуждалась только в освящении. Однако настоятель отсутствовал. 31 марта шеф 2-го Пионерного полка генерал-майор А. И. Грессер писал Рязанскому архиепископу Феофилакту, члену Святейшего Синода: «Так как в Минской епархии в городе Борисове находятся войска, церковь же Воскресенская Соборная хотя и была от неприятеля в некоторых частях повреждена, но это уже исправлено, и остается неосвященной, почему и богослужение в ней не совершается, что для поминутых войск, а равно и для здешних благочестивых жителей нужно, притом же приближается и праздник Пасхи, то прошу Ваше Высокопреосвященство Борисовскому протоиерею Боричевскому предписать, дабы он для совершения Божественной литургии помянутую Соборную церковь освятил»⁵.

Архиепископ Феофилакт, временно курировавший церковные дела Минской епархии, в начале апреля направил Боричевскому ордер с предписанием освятить церковь⁶.

Получив официальную бумагу, отец Петр немедленно выехал в Борисов. Уже 20 апреля он освятил храм⁷.

Вернувшись спустя девять месяцев со времени бегства обратно в Борисов, Боричевские на месте своего жилища нашли пепелище — дом и хозяйственные постройки сожгли французские солдаты. Кроме того, оставленные под присмотр крестьян посевы были потравлены, а из амбара неизвестные забрали зерно, сено, скот и пчел. Общий убыток составил 600 рублей⁸. А если прибавить к этому еще 700 рублей расходов за время скитаний, то получалась довольно внушительная сумма.

Для восстановления разоренного имущества отец Петр получил от казны 150 рублей⁹. Эта сумма хотя далеко и не покрывала понесенных убытков, но всё же стала каким-никаким подспорьем. Кроме того, отец Петр просил власти выдать ему бесплатно для посева семена: овса, ярицы, ячменя и гречихи.

Борисовская Преображенская церковь тоже сохранилась в дни нашествия французов. Однако она оказалась настолько разорена, а приход уменьшился (вместо 35 дворов осталось 17), что его

¹ Акты Виленской археографической комиссии: Том XXXVII. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. — Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1912. — С. 163.

² Там же. С. 147.

³ Балябин А. И. зазвонили колокола Воскресенской церкви... // Царкоўнае слова. — 2011. — № 34. — С. 9.

⁴ Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. — СПб., 1858. — С. 209.

⁵ Акты Виленской археографической комиссии: Том XXXVII. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. — Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1912. — С. 169.

⁶ Там же. С. 171.

⁷ Там же. С. 181.

⁸ Там же. С. 147.

⁹ Там же. С. 182.

решили упразднить и вместе с храмом и прихожанами причислить к Воскресенской соборной церкви, приход которой также обезлюдел вполнину (вместо 52 дворов осталось 26)¹. Настоятель Преображенской церкви священник Василий Бирюкович к тому времени уже умер, не выдержав военных потрясений. Во время оккупации Борисова он находился в городе. Потерял в пожаре дом и всё имущество. Перехоронил немало прихожан обоих приходов — своего Преображенского и Воскресенского, пока сам не сошел в могилу. Случилось это, скорее всего, на исходе 1812 г.

Планировалось также временно приписать к Борисовской Воскресенской церкви Бытчанский приход, церковь которого была разорена, а священник Павел Сосиновский умер², как и Бирюкович, став жертвой военного лихолетья. Однако отцу Петру Боричевскому было неудобно обслуживать этот приход из-за отдаленности его от Борисова на 10 верст. В итоге его на время поручили Сморецкому священнику Игнатию Богдановскому.

Вскоре после возвращения в Борисов Боричевский получил из Минской духовной консистории указание незамедлительно восстановить деятельность Борисовского духовного правления, которое уже многие месяцы не только бездействовало, но и потеряло в пожаре здание и хранившийся там архив. В связи с этим отцу Петру было поручено составить смету на постройку нового дома для правления. А пока приходилось вести дела, так сказать, на коленке.

В последних числах апреля отец Петр получил от Минской духовной консистории поручение совместно с Лошницким благочинным священником Михаилом Самборским собрать сведения о сгоревших Начской, Лошницкой и Немоницкой церквях: сколько дворов осталось в приходах, какие населенные пункты входят в приходы, сколько имеется церковной земли для причтов, какие сохранились документы и пр. Вместе с тем Боричевскому было поручено подыскать способных кандидатов на должность присутствующих в Духовном правлении. По его рекомендации таковыми были назначены Лошницкий священник Михаил Самборский и Ратутицкий священник Петр Захаревич. При этом по причине отдаленности их приходов от Борисова, им дозволялось приезжать присутствовать в Духовное правление раз в неделю и то по важным делам, требующим рассмотрения полным составом присутствующих³. Впоследствии названные отцы крайне редко появлялись в правлении, так что большинство вопросов приходилось решать одному Боричевскому и по-прежнему тянуть на себе всю канцелярскую работу.

А меж тем Борисов после военной разрухи быстро восстанавливался, во многом благодаря использованию для работ пленных французов. На месте пепелищ отстраивались новые дома. Улицы мостились

камнем. Очевидно, и клир Воскресенского собора недолго оставался без жилья.

Так получилось, что в первые послевоенные годы отец Петр оказался единственным священником на весь Борисов. Загруженный многообразными обязанностями, он в конце 1814-го был еще назначен и благочинным, от чего решительно попытался отказаться. Дело было так. В ноябре священник села Лошницы Михаил Самборский подал епархиальному начальству прошение об увольнении в связи с болезнью с должности благочинного. В ответ Минская духовная консистория прислала в Борисовское духовное правление указ об освобождении Самборского от должности и назначении на нее Боричевского. Отец Петр встретил эту новость с огромным нежеланием. Он немедленно написал в консисторию рапорт, что не может принять обязанности благочинного, изложив причины. Боричевский сообщал, что чрезвычайно загружен и по службе, и по хозяйству. Так, занимая в Духовном правлении должность первоприсутствующего, он часто выполнял и обязанности присутствующих, поскольку те из-за дальности приходов крайне редко появляются в правлении, а также вел всё делопроизводство. Кроме того, он состоял депутатом в Борисовском поветовом оспенном комитете. Также являлся единственным в городе духовным лицом: для приведения по присутственным местам людей к присяге, для увещевания преступников, для совершения богослужений, преподавания христианских треб прихожанам и находящимся на лечении в борисовском временном госпитале. Все эти обязанности он считал более чем достаточными для своего слабого здоровья.

Относительно экономической стороны своей жизни отец Петр писал: «Не получая ни жалования, ни доходов, с одного только хлебопашества и имею с семейством моим пропитание, которое ныне по бедному состоянию и значительной убыли церковных крестьян, не иначе как с величайшими трудами и разными неудобствами приобретаю. Ибо, покупая чрез два сии года по неурожаю на десять душ моего семейства хлеб, и особливо в нынешнем году дорогою ценою, час от часу дохожу до крайней бедности»⁴.

Подводя итог, Боричевский писал, что не может принять на себя должность благочинного. При этом он сообщал, что в Борисовском повете есть два священника, которые хотели бы стать благочинными. Это Сморецкий священник Игнатий Богдановский и Начский священник Петр Миронович⁵.

Однако Духовная консистория проигнорировала доводы и просьбу Боричевского и вторым указом в Духовное правление велела ему непременно от священника Самборского благочинническую должность принять. Рекомендованных же отцом Петром священников консистория признала неспособными к занятию должности благочинного, хотя оба имели семинарское образование.

Можно было бы искать иного решения у епархиального архиерея, но таковой как раз в это время

¹ Там же. С. 132.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 187.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 57. Л. 3 об.—4.

⁵ Там же.

отсутствовал. Архиепископа Серафима (Глаголевского) в конце августа 1814 г. перевели на Тверскую кафедру, а временно управляющий Минской епархией Могилевский епископ Даниил (Наток-Михайловский) практически все время находился в Могилеве. Поэтому Боричевский решил подать рапорт по своему делу прямо в Святейший Синод, приложив и копию рапорта, посланного в Минскую духовную консисторию, в котором излагались причины, по которым он не может исполнять обязанности благочинного. В рапорте в Синод отец Петр дополнительно сообщал, что кроме перечисленных обязанностей он еще время от времени «сказывает» проповеди в Минском Петро-Павловском кафедральном соборе и часто в своей церкви. А к проповедям по семинарской традиции он привык готовиться обстоятельно. Кроме того Боричевский сообщал, что со времени окончания академии безостановочно занимается бумажной работой, отчего «терпит глазную болезнь, и будучи еще в Киевской академии учительским кандидатом получил грудную болезнь, каковой и донныне сильно страдает». «И в том консистория удостоверена, — сообщал он; — но имея ко мне какое-то неудовольствие, сию благочинническую должность возлагает на меня единственно с тем, дабы удобнее могла сыскать случай угнетать меня, что неоднократно испытывал уже я»¹. Мы выше говорили о возможной причине такого «неудовольствия», источником которого мог быть архимандрит Лазарь.

В конце января 1815 г. Синод рассмотрел дело протоиерея Петра и в итоге постановил: «Препосвященному Даниилу, епископу Могилевскому, предоставить сделать по сему рапорту протоиерея Боричевского рассмотрение, и ежели большой надобности в оставлении сего протоиерея благочинным не имеется, в таком случае его от благочиннической должности уволить»².

В результате Боричевскому так и не удалось уклониться от обязанностей благочинного.

К сожалению, нам не удалось выяснить, кто именно представлял десять душ семейства отца Петра, упоминаемых в рапорте. Но, очевидно, это были не только дети. Скорее всего на его иждивении находился еще кто-то из близких родственников — малолетних и престарелых. Это была обычная практика. Меж тем вскоре после описанных событий семейство Боричевских увеличилось еще на одну душу. 7 апреля 1815 г. у них родился сын Иосиф. 20 апреля его крестил священник Петр Захаревич. Крестным вновь пригласили борисовского городничего Андрея Шаталова, а крестной — супругу префекта Борисовской поветовой школы Елену Петровскую³.

Когда отец Петр Боричевский в рапорте писал, что один в городе совершает богослужения и требы, он кое-что не договаривал. На самом деле в соборе, помимо настоятеля, в отведенные дни на своем

антиминсе служил около года священник Низовского полка Гавриил Фомин. Он же совершал и часть таинств и треб: крестил, венчал, отпевал и прочее. Из записей в метрических книгах Воскресенской соборной церкви видно, что таинства в ней также совершали — Нимоницкий священник Эраст Чайковский, Ганенский священник Иоанн Хотяновский, Ратуцкий священник Петр Захаревич, Сморецкий священник Игнатий Богдановский, священник Григорий Наседкин, священник Наум Краниковский, священник Василий. В каких-то случаях протоиерей Петр просил кого-либо из отцов подменить его, кому-то давал возможность «подкормиться», как, например, священнику Эрасту Чайковскому, чей храм сгорел во время войны.

Меж тем в январе 1815 г. пришлось прекратить совершение богослужений и таинств в Воскресенской соборной церкви по причине ее аварийного состояния. Под храмом стал разрушаться фундамент, а срубы давно уже сильно подгнили, так что здание грозило падением. Его ненадежное состояние засвидетельствовал и приезжавший из Минска губернский архитектор Чеховский, по докладу которого консистория предписала опечатать церковь. Таким образом закрылся единственный действовавший в Борисове православный храм. Тогда Боричевский предложил перенести богослужения в находившуюся неподалеку — на городской площади — Преображенскую церковь, не действовавшую со времени Великой войны. В сравнении с собором Преображенская церковь представлялась еще довольно крепкой, хотя была старой постройки и нуждалась в ремонте и обустройстве. В ней отсутствовали двери, не было пола в алтаре, приделах и притворе, не везде имелся потолок, из-за чего в храм попадал снег, дождевая вода, сырость. При входе нужно было устроить крыльцо, подремонтировать фундамент, перенести из собора иконостас, приспособив к новому месту, и прочее. Но поскольку в Воскресенской церкви наличной суммы не имелось вовсе, протоиерей Петр запросил на ремонт Преображенской церкви помощи у Минской духовной консистории. Та предписала ему совместно с городничим и поветовым землемером окончательно выяснить, какая все же из двух церквей требует меньшего ремонта, и, составив смету за подписью всех троих, представить через Борисовское духовное правление в консисторию. В конце февраля правление предоставило требуемую смету на ремонт Преображенской церкви, которая «менее требовала починки». В итоге, по ходатайству консистории Святейший Синод выделил 400 рублей ассигнациями.

В течение лета и осени 1815 г. все запланированные ремонтные работы были произведены, а выделенная на них сумма целиком израсходована. Однако в процессе ремонта выяснилось, что крыша Преображенской церкви настолько ветха, что требует перекрытия заново, о чем и было доложено консистории. Но оттуда пришел ответ, что в представленной ранее смете о крыше не упо-

¹ Там же. Л. 1–2.

² Там же. Л. 7.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 13. Д. 71. Л. 3 об.

миналось ни слова, а утруждать Синод по этому поводу епархиальное начальство не находит надобности. Вместе с тем протоиерею Петру предлагалось к починке церковной кровли постараться расположить своих прихожан «удобовозможными средствами»¹. Прихожан же за церковью на то время числилось 64 двора, в которых проживало более 470 душ обоего пола, но это с учетом деревень, входящих в приход.

В том же году отремонтированную Преображенскую церковь освятили в честь Воскресения Господня, придав статус соборного храма, а старый аварийный разобрали². Начались богослужения. И несмотря на ремонт, все равно чувствовалась ее ветхость, особенно проблемной была крыша, к тому же церковь была еще и тесна.

7 августа 1816 г. протоиерей Петр подал Минскому архиепископу Анатолию рапорт о необходимости постройки на месте старой Воскресенской соборной церкви — новой, более вместительной, «которая была бы широтою в 8, а длиною в 10 или 12 саженей». Только средств было взять неоткуда. Боричевский сообщал, что в Борисове имеется всего 42 приходских мещанских двора. Да и те в военное время были разорены до крайности. Многие из них не только лишились имущества, но и потеряли в пожарах дома. К тому же по причине большого числа умерших, за которых всё еще не уплачены казенные подати, прихожане не имеют возможности не только выплачивать их, но даже обзавестись хозяйством, с которого только и кормятся. Следовательно, какой-либо помощи в постройке церкви оказать не могут. «Помещика же благочестивого в сем приходе, как и во всем повете Борисовском, ни одного не имеется», — сетовал отец Петр. Поэтому иной возможности, кроме как просить Святейший Синод об отпуске казенных денег на постройку новой церкви, устройство иконостаса и ризницы, он не видел. Представляя все это на благоусмотрение архиерею, он нижайше просил исходатайствовать в Синоде на новую церковь, иконостас и ризницу «по крайней мере десять тысяч ассигнациями, потому что как самый лес, так и другие все материалы покупаются здесь за серебро, и ценою не дешевою».

В завершение Боричевский писал: «По приведении в действие таковой Архипастырской милости Вашего Высокопреосвященства над Борисовом, чего давно уже все ожидают, без сомнения предполагать можно, что с новым домом Божиим, который будет украшать град, и благочестивую веру нашу в сих местах, обновятся и самые сердца по благочестию присоединенных здесь жителей в вере, что надежда их на Бога, и Архипастыря осталась непостыдна пред иноверьцами»³.

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 4059. Л. 10 об.—13.

² Хусаннова Александра, Логис Ирина. Свято-Воскресенский кафедральный собор в Борисове. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://palchevskiy.by/voskresenskiy-sobor-v-borisove.html>. — Дата доступа: 03.06.2023.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 4059. Л. 1–2.

Ознакомившись с рапортом, Преосвященный наложил на нем резолюцию: «Консистории рассмотреть и доложить с мнением». В результате, консистория представила мнение, согласно которому в уездном городе Борисове, стоящем на большом Московском почтовом тракте, необходимо иметь такую церковь, которая бы и размерами, и благолепием отличалась от сельских церквей, потому как через Борисов часто проезжают не только знатные военные и гражданские чиновники, бывающие на богослужении в церкви, но «даже и сам Государь Император». А поскольку прихожане не имеют средств и возможностей к постройке новой церкви, нет и богатого благотворителя, консистория ходатайствовала, чтобы Преосвященный Анатолий обратился за финансовой помощью в Святейший Синод, испросив на новую церковь, иконостас и ризницу хотя бы 10 000 рублей ассигнациями⁴.

В результате ходатайства Минского преосвященного Синод 10 января 1817 г. принял решение о выделении просимой суммы⁵.

Вероятно, в ближайшие годы новая Воскресенская соборная церковь в Борисове была построена, украсилась новым иконостасом и обзавелась приличной ризницей.

В то время, когда решался вопрос денег на строительство нового храма, отец Петр инициировал дело о сносе каплицы в деревне Ухолода, входившей когда-то в состав прихода Борисовской Воскресенской церкви. Во время воссоединения униатов 1794–1795 гг. Воскресенский приход в полном составе перешел «на благочестие», то есть в Православие. Однако в 1806 г. жители Ухолоды под влиянием местных ксендзов снова уклонились в унию. В 1813 г. ухолодцы в лесу около деревни построили новую деревянную каплицу вместо старой, разобранной французскими саперами на материал при строительстве ложной переправы через Березину возле Ухолоды. 1 июля того же года настоятель Борисовского римско-католического костела каноник Позняк освятил новую каплицу. Мгновенно известие об этом дошло до отца Петра Боричевского, и уже на следующий день он был в Ухолоде, чтобы лично убедиться в переданной ему информации. В тот же день он от имени Борисовского духовного правления сообщил о самовольном строительстве каплицы в Борисовский нижний земский суд, а спустя три недели — в Минскую духовную консисторию. Оттуда 28 декабря 1813 г. в Борисовское духовное правление последовал указ о необходимости наблюдать, чтобы в новоустроенной каплице никакого богослужения не происходило. А Минское губернское правление предписало Борисовскому нижнему земскому суду каплицу запечатать и земской полиции поручить наблюдать, чтобы никто каплицу не распечатывал и никаких ложных чудес не измышлял. О самовольной же ее постройке крестьянами произвести следствие

⁴ Там же. Л. 13–14 об.

⁵ Там же. Л. 21.

и виновных судить по закону. Но Борисовский суд лишь запечатал каплицу, расследования же никакого не проводил¹.

Спустя три года, в декабре 1816-го, протоиерей Петр рапортом вновь актуализировал вопрос об уходской каплице в Минской духовной консистории. Так выяснилось, что каплица была незаконно распечатана, и в ней служил униатский священник Еленевский, и что туда стекались не только униаты, но и православные борисовские прихожане, которые говорили, что при каплице есть криница, из которой вода многие болезни исцеляет².

Уже весной 1817 г. Минская духовная консистория потребовала у губернских властей разобрать каплицу, на что получила согласие³. Предписание об этом было направлено в Борисовский нижний земский суд, но там дело попытались повернуть в пользу сохранения каплицы. Впрочем, доводы ее защитников оказались несостоятельными, и в итоге к 1 ноября 1817 г. ее разобрали⁴.

В это же время протоиерей Петр занимался еще одной проблемой — поиском денег для выкупа изготовленного по его заказу большого колокола для Воскресенской церкви. Еще в первые годы настоятельства его озаботило отсутствие среди звонів большого колокола. В 1810 г. Боричевский с позволения тогдашнего Минского архиепископа Иова отдал три колокола общим весом 8 пудов 20 фунтов для переливки в один колокол униатскому канонику Михаилу Влодковскому из местечка Заславль Минского повета. Дело затянулось на несколько лет, отчасти в связи с войной и послевоенной разрухой. В 1814 г. Влодковский привез в Борисов 12-пудовый колокол. Однако отцу Петру не понравилось его качество, и он отдал его обратно с условием, что колокол перельют заново.

Спустя два года Влодковский сообщил, что новый колокол готов, и предложил Боричевскому посмотреть его. На этот раз колокол оказался весом в 14½ пуда. Убедившись со слов каноника и других знающих людей, что колокол хорош, отец Петр стал думать о расчете за работу. Часть денег он уже заплатил раньше — 145 рублей серебром, но необходимо было еще доплатить 147 рублей, также серебром. Чтобы понимать, какая это была сумма, напомним, что ремонт церкви обошелся в 400 рублей ассигнациями, а за колокол в ассигнациях нужно было доплатить более 500 рублей. По-разному ценились деньги серебряные и бумажные. Но церковных средств было совсем мало, так что едва хватало на самое необходимое для храма. Прихожане же на неоднократные призывы отца Петра не пожертвовали на колокол ни одного рубля. Так что рассчитаться с Влодковским было нечем. Но Боричевский, как ему казалось, нашел выход. При Воскресенской церкви имелось десять колоколов, и все малые, а потому, по мне-

нию настоятеля, бесполезные, так как пять из них вовсе не использовались. Именно эти пять колоколов протоиерей Петр решил отдать в счет уплаты за новый большой колокол и, если этого окажется недостаточно, доплатить остаток деньгами. Об этом он в конце декабря 1816 г. подал рапорт епархиальному архиерею, прося резолюции⁵.

Уже в январе следующего года пришел указ Минской духовной консистории, в котором излагалась резолюция архиепископа Анатолия. Общий ее смысл был таков. Преосвященный ставил на вид Боричевскому, что решать подобные вопросы он должен не единолично, а совместно со старостой и почетнейшими прихожанами. Затем от него требовалось представить «обстоятельное расчисление, по каким ценам учинен договор за работу одну и за работу с материалом с пуда». Причем «расчисление» это должно произвести с избраннейшими прихожанами, и чтобы они его засвидетельствовали. Кроме того, требовалось новый колокол и пять предполагаемых для оплаты взвесить при тех же прихожанах, «и как о весе какой окажется, так и о согласии их употребить колокола на уплату должно быть представлено свидетельство»⁶.

3 марта Боричевский рапортом доложил консистории, что все предпринимаемое им относительно колоколов делалось с ведома церковного старосты и всех борисовских прихожан. Только в этот раз уточнил, что прихожане согласны отдать на обмен не пять, а четыре малых колокола. Взвесить же он их не мог по причине того, что прежде необходимо снять с них деревянные головы со всей оковкой, которая немало стоит. Он также просил разрешения привезти новый колокол в Борисов, для осмотра его на месте и для окончательного расчета с каноником Влодковским, для чего намеревался сам ехать в Заславль. Вместе с тем он надеялся успеть доставить колокол к Светлому Празднику Воскресения, для чего просил консисторию «скорейшего в резолюции указа». К рапорту протоиерей Петр приложил подробное «расчисление» стоимости работ.

Пасха в тот год выпадала на 25 марта, поэтому оставалось еще три недели, чтобы привезти колокол к Празднику в Борисов.

Однако только в апреле Минская духовная консистория ответила, что позволяет отдать на обмен указанные четыре малые колокола, но прежде потребовала выяснить у Влодковского, согласится ли он взять эти колокола в счет цены за новый колокол. Канонику предложили вариант с обменом, но он отказался, затребовав деньги. Впрочем, согласился отдать колокол, взяв обещание, что с ним непременно рассчитаются⁷.

Ввиду этого 29 ноября 1817 г. консистория послала в Борисовское духовное правление указ, чтобы борисовские прихожане колокол у Влодковского выкупили, а протоиерей Боричевский за собственный счет его оковал. Видимо, имелось в виду,

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 39048. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 3–3 об.

³ Там же. Л. 6–7.

⁴ Там же. Л. 16–16 об.

⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 39040. Л. 1–1 об.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 10 об.—11 об.

что отец Петр оплатит изготовление кованного крепления для колокола. Уже в декабре Борисовское духовное правление ответило, что протоиерей Боричевский колокол за свой счет уже оковал, «а прихожане по собрании денег» колокол выкупят¹.

18 февраля 1818 г. протоиерей Петр донес Минской духовной консистории, что прихожане его хотя и обещали рассчитаться за колокол, однако собрали в складчину всего 6 рублей 75 копеек серебром, также некоторые чиновники и помещики вкуче пожертвовали 23 рубля 25 копеек серебром, что в общей сложности составило 30 рублей. Заплатить же Влодковскому должны были не 147 рублей серебром, как говорилось ранее, а 156 рублей 25 копеек, так как после доставки колокола 17 января 1818 г. в Минск и взвешивания оказался его вес не 14 пудов и 23 фунта, а 14 пудов 35 фунтов. Не имея уже надежды на прихожан, отец Петр, во избежание судебной тяжбы, решил сам рассчитаться с Влодковским и, заняв денег, того же 17 января уплатил Влодковскому 90 рублей и 25 копеек серебром. На оставшиеся 66 рублей серебром дал ему при свидетелях вексель с тем, что эти деньги он обязуется отдать до 15 июня текущего года самому Влодковскому или тому, кому Влодковский этот вексель передаст.

Произведя таким образом неполный расчет с каноником, протоиерей Петр доставил колокол в Борисов². Обратим внимание, что вся эта эпопея с одним колоколом длилась восемь лет.

Минуло полгода, и пришло время отцу Петру платить по счетам. Но денег не было, о чем он и объявил Влодковскому при встрече в Минске. В тот же день Влодковский продал вексель Боричевского на 66 рублей серебром минскому еврею Гиршу Герцовичу, чтобы он взыскивал эти деньги. Конечно, каноник отдал вексель за гораздо меньшую сумму, по принципу: пусть хоть что-то, чем ничего. Герцович же в случае успеха получал неплохой барыш или, как говорили евреи, — гешефт. Он стал периодически наведываться в Борисов и настойчиво требовать деньги. А спустя месяц обратился с жалобой на отца Петра в Минскую духовную консисторию. Герцович сообщал, что Боричевский должен ему по векселю деньги, но от уплаты их «неизвестно почему отказывается и тем самым доводит его только до убытков на частые поездки в Борисов». Прилагая подлинный вексель, он просил консисторию о взыскании с протоиерея Петра указанной в нем суммы³.

Рассмотрев жалобу Герцовича, консистория постановила взыскать с протоиерея Боричевского указанную сумму с пересылкой за его счет для отдачи просителю⁴.

Меж тем, пока шла эта неприятная переписка, протоиерей Петр 10 сентября 1818 г. получил высочайше пожалованный бронзовый наперсный крест

на Владимирской ленте в память Отечественной войны 1812 г.⁵ Этим крестом награждали в то время всех священнослужителей Российской Православной Церкви от митрополитов до приходских священников, состоящих в сане до 1 января 1813 г. Выдача крестов началась с 1818 г. и продолжалась до середины 1829-го. Награда эта, конечно, была почетная и в какой-то мере приятная, но... приходские будни, хозяйство, разные нужды и проблемы довели над сознанием. Особенно назойливо донимал напористый Герцович.

На консисторский указ о взыскании долга протоиерей Петр ответил рапортом, в котором, сославшись на ряд законов по духовному и гражданскому ведомствам, уведомлял, что дело это «до разбирательства духовного не принадлежит», поэтому просил не понуждать его к платежу по поданному мещанином Гиршом Герцовичем прошению, а рекомендовать ему обратиться в суд⁶.

Поскольку доводы отца Петра оказались убедительными, Минская духовная консистория в конце декабря 1818 г. объявила Герцовичу, чтобы он «о своей к протоиерею Боричевскому претензии просил где и как следует по гражданской части», вернув ему под расписку подлинный вексель Боричевского⁷.

Очевидно, что дело перешло в суд, но чем в итоге закончилось, мы не знаем.

В целом нужно сказать, епархиальное начальство ценило дельного и образованного протоиерея Петра Боричевского. И потому неслучайно он был назначен 15 декабря 1820 г. настоятелем Минского Петро-Павловского кафедрального собора и членом Минской духовной консистории⁸. Вместе с тем с разрешения епархиального начальства он еще около полугода сохранял за собой номинальное настоятельство в Борисовской Воскресенской церкви. В это время туда был назначен вторым священником Петр Струковский, который и совершал практически все богослужения и требы. Однако время от времени в приходских метрических книгах мы встречаем записи такого рода: «крещение совершил Борисовской Воскресенской соборной церкви протоиерей Петр Боричевский»⁹. Такое двойное настоятельство было связано с весьма скромным материальным обеспечением священно- и церковнослужителей Минского кафедрального собора. В этом смысле епархиальное начальство пошло навстречу многосемейному протоиерею. Но это была мера временная, связанная, скорее всего, с переездом и первоначальным обустройством в Минске.

Благодаря источникам, надеемся, нам удалось показать протоиерея Петра в реальные моменты жизни: учебы, труда, конфликтов, переживаний, споров, житейских радостей и невзгод. Немало интересного найдут здесь и местные краеведы.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 597. Л. (Формулярный список).

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 39057. Л. 3–3 об.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 597. Л. (Формулярный список).

⁹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 13. Д. 76. Л. 6.

¹ Там же. Л. 41.

² Там же. Л. 42–42 об.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 39057. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 2–2 об.